

Если бы была такая возможность, она бы не поехала домой.

Дело вовсе не в том, что в семье было холодно. Напротив, в доме Нань Чуцин царила теплая атмосфера: родители были людьми прогрессивных взглядов, братья и сестры жили дружно. Там не было ни интриг, характерных для богатых семей, ни гнетущей серьезности — это была самая обычная любящая семья, какую показывают в добрых фильмах.

Просто всё это не имело к Нань Чуцин никакого отношения.

Когда ей исполнилось три года, бабушка выбрала её своей преемницей и забрала на воспитание. До двадцати лет она проводила в родном доме меньше времени, чем с репетиторами.

Лишь с двадцати одного года у неё вошло в привычку приезжать домой на Новый год. Но чувствовала она себя при этом крайне неловко, словно незваный гость. Отец никогда с ней не разговаривал: стоило ей переступить порог, как он тут же уходил в кабинет. О матери и говорить нечего — Нань Чуцин просто не понимала её. У неё было три младших брата и две сестры, но, если не считать старшего брата, который изредка перекидывался с ней парой фраз, остальные игнорировали её существование.

Новогодний ужин в одиночестве был бы куда приятнее.

Поев, Нань Чуцин всегда спешила уйти. Она знала: только когда она исчезает, в доме снова оживает радость.

Каждый раз мать провожала её до машины, и Нань Чуцин никак не могла взять в толк, что это значит. В самый первый раз она еще питала надежду, ожидая, что мать попросит её остаться, но та молчала. Позже её охватила растерянность: она не понимала, хочет ли мать, чтобы она поскорее уехала, или всё же желает, чтобы она осталась.

Она так и не набралась смелости спросить. И до самого отъезда мать не проронила ни слова.

Этот час общения вытянул из неё все силы. Вернувшись домой, Нань Чуцин обессиленно рухнула на диван. В пустой, темной и тихой квартире она, часто дыша, уткнулась лицом в подушку дивана и тайком заплакала.

Восьмого числа нужно было выходить на работу, значит, Чжао Цзянсюз должна была вернуться седьмого. В даосской обители дел неуворот, и наставник со старшим наставником настаивали, что проводят её. Чжао Цзянсюз было неловко их утруждать, поэтому она позволила им дойти только до подножия горы.

Чжао Цзянсюз вызвала такси у дороги. Пока машина ехала, наставник и старший наставник терпеливо ждали рядом. Она просила их вернуться, но те и слушать не хотели. Чжао Цзянсюз с

улыбкой сказала: Наставник, если вы не вернетесь, там наверху всё придет в беспорядок.

Наставник Лян лишь молча смотрел на неё, словно хотел что-то сказать, но не находил слов. Спустя долгое время он вздохнул.

Старший наставник подшутил: Посмотри на своего наставника, опять раскис в такой праздник.

Чжао Цзянсюэ хихикнула.

Старший наставник добавил: Будь осторожна там, в большом мире. Особенно берегись всяких проходимцев, не дай себя обмануть. Заработала деньги — побереги для себя, не всё же нам отправлять.

Я знаю.

Ну-ну, знаешь она. Ты хоть раз была влюблена?

Чжао Цзянсюэ закатила глаза.

Наставник, молчавший всё это время, вдруг произнес: Если встретишь хорошего человека, выходи замуж. И не возвращайся.

Чжао Цзянсюэ снова закатила глаза: каждый год одно и то же.

Знаю, знаю, — рассмеялась она. — Боюсь, если я правда не вернусь, вы оба от тоски с ума сойдете.

Если ты не вернешься, мы только счастливы будем! — подмигнул старший наставник.

Такси подъехало. Чжао Цзянсюэ села в машину, взяла из рук наставников пакет с фруктами и снова стала торопить их домой.

Ладно, всё поняли, езжай уже, — махнул рукой старший наставник.

Чжао Цзянсюэ продиктовала последние цифры номера телефона, машина тронулась. Она обернулась: наставник и старший наставник всё ещё стояли на обочине. Только когда машина свернула за поворот и они скрылись из виду, Чжао Цзянсюэ отвернулась.

Она прижала пакет с фруктами к себе чуть крепче.

Добравшись до вокзала, купив билет и заняв свое место в поезде, она смотрела на удаляющиеся горы, и только тогда к ней вернулось ощущение, что она снова едет работать в город.

Всю дорогу она много думала.

Уезд, в котором она жила, был не таким уж маленьким, но деревня, где находилась обитель, была крошечной и бедной. Наставнику приходилось ездить в Гуанси за благовониями и свечами, и каждая такая поездка на мотоцикле по зимнему ветру занимала уйму времени.

В деревне холоднее, чем в мегаполисе, а на мотоцикле пронизывает до костей. Наставнику едва перевалило за сорок, а выглядит он на все пятьдесят.

Вернувшись, она заметила, что обитель совсем обветшала. Крыша давно требовала ремонта, черепица держалась на честном слове, того и гляди рухнет. Младшие ученики ходили в тонкой одежде, одеяла были ветхими, а для купания приходилось топить печь дровами...

Наставники молчали, но она знала: операция Гоуцзая стоила огромных денег. А ведь кроме него, есть еще Сюйсюй, Датоу... им тоже нужны операции. Пусть и мелкие, но всё это стоит денег. А если прибавить расходы на послеоперационное восстановление — сумма выходила просто космическая.

А еще, кроме неё самой, все остальные учились. Неизвестно, вернутся ли они, когда закончат учебу, но наставник никогда не перестанет оплачивать их обучение, а это тоже колоссальные траты.

Чем больше она думала, тем тяжелее становилось на душе и тем сильнее начинала болеть голова.

Она знала: наставник наверняка скрыл от неё, что набрал кучу долгов.

Эти деньги рано или поздно придется отдавать. Старикам это не под силу. На младших рассчитывать пока не приходится. Остается только она.

У Чжао Цзянсюэ зародилась мысль уволиться.

Хотя, работая на Нань Чуцин, она ела деликатесы, о которых раньше и не мечтала, спала под теплыми одеялами и не беспокоилась о деньгах, зарплата была слишком мала. Десять с лишним тысяч не хватило бы на содержание целой обители.

К тому же, у ассистента не было ни процентов, ни бонусов.

Если бы прежнее начальство не гнобило её, присваивая результаты её труда, она давно могла бы стать техническим директором с годовым доходом в миллион. Но вместо этого, под давлением руководства, она получала жалкие гроши, крошечные премии и выполняла самую тяжелую работу.

Чжао Цзянсюэ прекрасно понимала, чего хотел от неё прошлый босс, но она не пошла на это. Она наивно полагала, что если будет стараться, то её талант заметят. Но она забыла: даже золото, брошенное в выгребную яму, не сияет для окружающих. А в её случае кто-то постоянно подбрасывал в эту яму новые нечистоты.

Теперь, чтобы вернуться в ту сферу, ей пришлось бы унизиться и просить прощения у бывшей компании. Либо уезжать из Шэньчжэня в другой город. Но Чжао Цзянсюэ не хотела покидать Шэньчжэнь.

Она передумала обо всём на свете: пока ждала поезд, пока ехала, пока стояла у ворот виллы.

Она медлила, не решаясь открыть дверь. Мир за этой дверью был слишком волшебным и чуждым для таких, как она. Стоит лишь прикоснуться к нему, как в душе прорастает тьма.

Когда она лежала на своем жестком топчане, она вспоминала кровать в доме Нань Чуцин, которая стоила целого состояния. Видя сорняки на крыше обители, она вспоминала виллу Нань Чуцин — одну эту виллу в центре города можно было продать, чтобы купить целую гору и отстроить на ней несколько обителей.

Набирая воду, она вспоминала краны в доме Нань Чуцин, а ведь у неё на заднем дворе был ещё и бассейн. Её младшие ученики даже не знали, что такое бассейн. Принимая душ, она думала о ванной комнате Нань Чуцин, где горячая вода текла в любое время дня и ночи.

Не то что у них: топи печь, дели одно ведро воды на всех.

Дверь открылась, и Нань Чуцин, выглянув наружу, уставилась прямо на неё.

Чжао Цзянсюэ опешила. Она не ожидала, что та дома. За время долгой разлуки они стали чужими, словно встретились впервые.

Спустя мгновение Нань Чуцин спросила: Почему не заходишь?

А, да, — Чжао Цзянсюэ кивнула.

Нань Чуцин подозрительно посмотрела на неё и лишь спустя время развернулась, чтобы войти в дом. Чжао Цзянсюэ поспешила следом, закрыв за собой дверь.

Босс, я вам нужна? — спросила она, проходя за Нань Чуцин в гостиную и наблюдая, как та садится на диван и начинает заваривать чай.

Нань Чуцин бросила на неё взгляд: Ничего особенного.

Тогда я пойду к себе.

Чжао Цзянсюэ развернулась и пошла прочь, чувствуя себя неловко. Казалось бы, они уже достаточно близки, почему же сейчас они как незнакомцы? Она вдруг вспомнила, что за всё время дома ни разу не связалась с ней, даже поздравления с Новым годом не отправила.

Да и ладно, она всего лишь наемный работник.

Ты не читала сообщения?

Чжао Цзянсюэ, сделавшая всего пару шагов, обернулась: Какие сообщения? Она достала телефон — пусто.

Забудь, — Нань Чуцин отвернулась и продолжила заваривать чай.

Она налила чашку, не стала пить, вылила содержимое и заварила новую.

Чжао Цзянсюэ не знала, что делать: уйти или остаться. Поколебавшись, она робко спросила: Босс, мне правда ничего не приходило.

Нань Чуцин не спеша поставила чайник, подняла взгляд: СМС из банка. Не получала?

Из банка? У меня не подключены уведомления. Она пользовалась только приложением, зачем платить банку за СМС?

Чжао Цзянсюэ с недоумением открыла банковское приложение, ввела пароль, зашла в раздел активов — и пакет с фруктами с грохотом упал на пол.

Она нахмурилась, почесала затылок, протерла глаза, снова почесала затылок, совершенно не понимая, что происходит. Моя карта что, вирус подхватила? Откуда здесь... 1, 2, 3... 200 тысяч?

Босс, мне нужно в банк... нет, мне нужно в полицию! — она в панике развернулась к выходу.

Уголки губ Нань Чуцин дрогнули, а холодный голос наполнился весельем: Зачем в банк? Её реакция была такой забавной. До перевода она гадала, как таотреагирует, а после — пожалела, что не увидела этого вживую.

Когда Нань Чуцин увидела на мониторе камер наблюдения Чжао Цзянсюэ, она слегка разволновалась — сама не понимая почему. Она даже поправила одежду, гадая, прибежит ли та благодарить её. Кто бы мог подумать, что она будет полдня стоять у двери, не решаясь войти.

Нань Чуцин пришлось идти открывать самой.

На самом деле, переводя деньги, она надеялась, что Чжао Цзянсюэ свяжется с ней. Но та молчала, и Нань Чуцин даже строила догадки, почему так вышло, но и подумать не могла, что та просто не увидела уведомление.

Впрочем, так даже лучше — зато она увидела её реакцию.

Чжао Цзянсюэ всё ещё смотрела в телефон: Не знаю, откуда тут столько денег! Слышала, сейчас полно новых видов мошенничества, надо срочно в полицию.

Ты не смотрела, от кого перевод?

Чжао Цзянсюэ подняла взгляд на Нань Чуцин. Не может быть. Она быстро пробежалась пальцами по экрану и замерла, увидев имя отправителя.

Босс? Зачем вы перевели мне столько денег?

Ты мой ассистент, а в компании не предусмотрены годовые премии. Но ты хорошо поработала, это моя личная награда, включая новогодний подарок, — слегка улыбнулась Нань Чуцин.

Чжао Цзянсюэ ошеломленно смотрела на неё. Через несколько секунд она глубоко вдохнула.

Ей хотелось подлететь и обнять её.

Сказать: Босс, отныне я ваша собака.

Но если она так сделает, её наверняка уволят.

<http://bllate.org/book/22463/2363269>